

Я не могу вспомнить, когда, в какие годы кончились очереди за хлебом, и его стало возможно купить в любое время дня. Мне кажется, что хлебом страну накормили достаточно скоро, а вот проблема нехватки сахара существовала ещё долго. За сахаром мы стояли в очередях днём. Также писались номера на ладонях, велись переключки, и отсутствующие на это время, теряли свою очерёдность. Сахар продавали расфасованным в плотные кульки из серой бумаги. Нас, детей, частенько женщины заманивали в очередь, чтобы получить лишнюю норму на присутствующего ребёнка. Потребность детского организма в сладком вынуждала нас стоять часами под солнцем за пару кусочков рафинада. Но бывали случаи, когда женщина,

* Окончание. Начало в журнале «Гостиный Дворь» № 3

получив заветные кулёчки с сахаром, забывала обещание и, подтолкнув в плечо, говорила: ну, беги домой!

Моя потребность в сладком была столь велика, что я в возрасте примерно пяти лет совершила проступок, за который мне стыдно до сих пор.

В тот жаркий злополучный день наша соседка тётя Лида зачем-то (может быть, именно за этим!) зазвала меня к себе, под серый дощатый навес. Там у них был погреб, стояла машина и небольшой столик. Немного погодя она полезла в погреб и достала оттуда тарелку с шоколадными конфетами. Конфеты были без обёрток и по причине жары хранились в погребе. Выставив конфеты на столик, она ушла, оставив меня наедине с таким умопомрачительным соблазном. И я не выдержала этого искушения, протянула руку и зажала в потной ладонке конфету. Я забыла всё что говорила мама о воровстве, рассудок мой помрачился и полностью отключился. Вскоре тётя Лида зашла и сразу же пересчитала конфеты на тарелке. Я положила растаявшую мятую конфету на стол и вышла. Стыд и животный страх, что тётя Лида расскажет родителям, что я воровка, — лишил меня на долгие годы душевного покоя. Больная совесть, вопреки времени, не дала памяти до сих пор забыть эту историю. И уже будучи взрослой, не единожды

возвращаясь к этой истории, я пытаюсь понять — для чего она это сделала? Какой был смысл подвергать голодного пятилетнего ребёнка такому непосильному испытанию? Родителям о моём проступке она так и не сказала.

И ещё один случай «сладкого воровства» из моего голодного детства. Ульяна Васильевна как-то принесла на гостинчик литровую банку яблочного варенья. Подарочек сей мама не обнародовала, а унесла в холодную кладовку. Но я всё засекала. Эта банка в кладовке не давала мне покоя, я всё время думала, как посмотреть, что в ней. Увиденное превзошло все мои ожидания — это было варенье из целых райских яблочек, с хвостиками-черепашками. Я решила попробовать только одно яблочко. Вытянула его за хвостик — вкус оказался потрясающим! На место съеденного яблочка из янтарного сиропа тут же предательски вынырнуло другое, не менее красивое и тоже хвостиком вверх, словно предлагая: и меня съешь. Вот здесь-то и сказалась моя слабость: остановиться я уже не могла. Варенье в банке катастрофически быстро уменьшалось. Я заговорщицки поделилась находкой с Шуриком, и он тоже оценил вкус варенья. А варенья осталось в банке на треть, и мне оставалось теперь только ждать расплаты за содеянное.

Когда грянул гром, я всё свалила на Шурика. Мама, как

всегда, не разобравшись толком, отхлестала ремнём милого братца по голым ногам и меня достала разок, всего лишь как соучастницу. Шурик, как настоящий мужчина, правды не сказал и не заплакал. Потирая ноги, он только уничтожающе сказал мне: эх, ты!

Если бы на месте Шурика был младший брат Володя, он меня тут же бы «сдал» и отколотил впридачу, и был бы прав. И я бы забыла этот свой грех, для меня это было бы менее болезненно, чем Шурикино — «эх, ты!»

А между тем страна жила надеждой и верой в ближайшее светлое будущее под руководством коммунистической партии и советского правительства. Эту надежду поддерживали многочисленные агитационные плакаты и портреты руководителей страны-победительницы в Великой Отечественной войне, размещённые на стенах зданий. Будучи ребёнком, я с удовольствием читала и рассматривала эти художественно оформленные наглядные произведения развивающегося социализма. Вот на плакате изображена упитанная свинка со вздёрнутым пятачком и счастливой улыбкой, обещающая накормить нас «от пуза» свининой. Молодые мужчина и женщина с громадными снопами в руках, призывающие ехать поднимать целину. Улыбающаяся женщина в белом халате в окружении фляг с молоком на фоне стада коров. Многочисленные диаграммы с

цифрами роста производства продукции по годам.

«Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения! В таком-то году производство зерна на душу населения составило столько-то пудов! Народ и партия — едины! Пятилетку — досрочно!». Собранный урожай исчислялся в пудах, и получались впечатляющие цифры с нулями, обозначающие триллионы. Всё это бодрило, вселяло надежду и грело душу.

Нашими ближайшими соседями была семья Тарановых: Виталий Степанович (начальник инструментального цеха на заводе), Лидия Ивановна (учительница начальных классов) и сын Юра, признанный лидер нашей уличной компании. Что и говорить, семья была очень обеспеченная по тому времени. Тётя Лида была убеждённой сторонницей одного ребёнка в семье. Однажды я была свидетельницей, как она со своего крыльца через ограду злобно поносила нашу маму, а смысл был такой: нарожала детей, нищету разводишь!

Тётя Лида, будучи по возрасту близка маме, выглядела роскошно: перманент, крашенные ярко губы бантиком, крепдешиновые платья и главное — всегда улыбалась и оттого была красива и безмятежна и казалась мне всегда молодой и счастливой. Круглое румяное лицо, с

орехового цвета карими глазами. Она была олицетворением тогдашней моды. Так однажды на её голове появилась модная шляпка «менингитка». Шляпка, прикрывающая только затылок, с отходящими асимметрично завитками, бантом и другими изысками. Такая шляпка — мечта всех молодых женщин послевоенного периода. «Менингитки» были сезонные: летнего фасона — из соломки, осеннего — фетровые и зимнего — из искусственного меха. И все модели обладали одним свойством — не греть и не защищать от солнца (название говорит само за себя), но только украшать женскую головку. Шляпка напоминала цветок орхидеи. Она придавала женщине кокетливый, игривый вид: а мне всё нипочём, ничего не боюсь, ведь я красива!

Дядя Витя — ветеран войны, инвалид, орденосец, рано поседевший, имел машину «москвич» — неслыханную роскошь по тому времени. На войне он был ранен в ногу, хромотал и ходил с тростью. Частенько они с папой по утрам на завод ездили на машине вместе. Иногда дядя Витя баловал детвору, катая по городу, и не было тогда никого счастливей нас.

Каждый год, в отпуск, тётя Лида и дядя Витя ездили в Москву. Привозили яркие детские книжки, красивую модную одежду, столичные дорогие вещи,

недоступные многим бузулучанам. Юра красовался в матросских костюмчиках, их было два: белый с синими полосками на воротнике и синий — с белыми. Ему часто меняли шубки, а старые донашивала я. Шубки всегда продавали, я думаю из принципа, не настолько их семья нуждалась в этих, в общем-то, небольших для них деньгах, а вот чтобы лишний раз доказать своё превосходство, какие они умные и как умеют жить.

Я уже рассказывала о нашей уличной мальчишечьей компании. Так вот, кроме меня, Шурика и Юры, был ещё долговязый, худосочный Славка Назаров. Его отец был профессиональным музыкантом-трубачом. Он постоянно играл на трубе или саксофоне в небольших оркестрах, на демонстрациях, в фойе кинотеатра «Победа» перед киносеансами, на похоронах, а позже — в инструментальном ансамбле на танцах. Играл он и на валторне, что несказанно впечатляло своей экзотичностью нас, детей. Мы шли за оркестром (на похоронах), не сводя глаз с Александра Ивановича. словно огромная блестящая змея обвила его туловище, норовя задушить в своих объятиях, а из огромного золотого раструба-пасти неслись оглушающие звуки музыки.

Славка был спокойным незлобивым парнишкой, его постоянно задирали Юра, обзывая

почему-то то Геббельсом, то Фрицем. Юра (как мне теперь кажется) так поддерживал своё лидерство.

Деревянный дом Назаровых выделялся особой внешней добротностью и опрятностью, чувствовалась заботливая рука хозяина. Дом был покрашен коричневой краской, а резные наличники — белой. Высокое деревянное крыльцо со ступеньками, выходящее в палисадник, удобное для вечернего летнего отдыха. Палисадник, заросший вишенником и разноцветными мальвами, декоративно оттенял приветливость этого дома. Вот эта-то вишня особенно привлекала наше голодное внимание. Ветки вишни с зелёными ягодами многообещающе вырывались через штакетник ограды на улицу, шелестом листвы призывая: ну подождите немного, я скоро поспею. Но вишню охранял Славкин дедушка по матери — дед Езерский. Этот, чаще всего молчащий дед с белой бородкой, носящий зимой и летом шапку-ушанку, любил вечерами постоять у калитки, отгоняя нас от ограды с ветками вишни. И Юра придумал дразнилку деду Езерскому: мы выстраивались напротив деда, Славка-внук не отставал от компании. Юрка выходил вперёд и начинал гримасничать и корчить рожи. Если дед Езерский долго не заводился, Юрка поворачивался спиной и сдёргивал штанишки, показывая голый

зад. Всё это делалось, чтобы ульщать заветную фразу:

— А ну, геть отседова!

И дед делал движение, что выходит из калитки. С визгом, довольные, мы уносились прочь. Теперь, уже взрослой, мне кажется, что и дед Езерский по-стариковски развлекался вместе с нами.

За ветками вишни, что с улицы, мы следили и дожидались, пока чуть покраснеет ягода, больше — терпения не хватало. Помню, как ранним утром, босиком бегу к дому Назаровых (знаю — дед ещё спит), протягиваю руку между штакетинами и рву холодную, упругую ягоду.

Но были и щедрые соседи, которые приглашали детвору в ограду порвать и поесть смородину. А вообще мы были как саранча, наш зоркий глаз примечал любую съедобную ягодку, выросшую где-то под забором, всё, в конечном итоге, съедалось без всяких осложнений для желудка. Ценились ягоды паслёна или вороняжки, а проще — бздники. Её мы примечали ещё в зелёном виде и проводывали, пока не поспеет. Но чаще съедали чуть побуревшей.

У Славки был замечательный деревянный конь на колёсиках. Если толкать его сзади, не дёргать за мочальный хвост, а спереди тащить за уздечку, то можно покататься в удовольствии. Конь был облезлый, с одним мятым кожаным ухом,

что совсем не убавляло его привлекательности. И Славка пользовался этим, спекулируя на нашем желании покататься, заставляя иногда унижаться. Нашего трёхлетнего Володю Славка почему-то любил и катал сам, запихивая на коня.

В родительском доме Славы был патефон, стоящий на видном месте, на тумбочке, застланной кружевной салфеткой. Выборочно, кое-кому из нас он иногда давал покрутить его ручку. Это было уже после смерти деда Езерского.

Моя дружба с мальчишками прекратилась, когда я познакомилась с двойняшками Туркиными — Любой и Ниной. Было мне лет двенадцать. Я сделалась правильной девочкой: прыгала через скакалку, играла в куклы, в мяч. Теперь весна для меня начиналась игрой в классики, на едва просохших проплешинах земли. Обретённые подружки, имеющие старшую сестру, мальчишек не воспринимали вообще. Кроме школы им не приходилось общаться с мальчишеским племенем и, видимо, их малый опыт общения был негативным. Для них это был какой-то подвид людей-инопланетян: неизученных, непредсказуемых, агрессивных «недоумков» в человеческом облики. И на меня они первое время смотрели с недоверием и осуждением. Я что-то знала неизвестное им, не принимаемое ими о зловредных мальчишках.

Впоследствии, они и замуж вышли поздно, как бы случайно, по недоразумению, так до конца не поняв, зачем они это сделали.

У Туркиных была большая усадьба с огородом, постройками для скотины, с небольшим садиком. Держали они и гусей. Однажды весной по хорошей погоде в мечтах о предстоящем лете, каникулах, возвращалась я из школы. На голове белый фетровый беретик (моя гордость), из-под которого торчат две толстые косички. Вообще я себе очень нравилась в таком виде. Прохожу мимо мирно пасущихся на полянке гусей с гусятами. В какой-то момент, запоздало, услышала шум крыльев и гусиное гагаканье. Нападение гусака было столь стремительно и подло-неожиданно, что я не успела убежать. Он издавал боевые устрашающие крики, бил меня крыльями как плетью, пребольно щипал за голые ноги. В панике, с рёвом, забежала я в первую попавшуюся открытую калитку и захлопнула её, едва не прищемив гусаку шею. Но злобная птица просовывала шею через штакетник и, как гадюка, угрожающе продолжала шипеть и щёлкать жёлтым костяным клювом.

Гусиное семейство с подростками гусятами, поздней осенью, под призывные клики диких сородичей, дружно поднялось на крыло и улетело зимовать в тёплые края.

Как ни странно, первые упоминания, естественно негативные, о семье Курдаковых я услышала от своих подружек. Нина Туркина училась в одном классе с Лёней Курдаковым и частенько рассказывала о школьных происшествиях, в которых мой будущий родственник принимал определённое участие. Нина театрально закатывала глаза и называла Лёню не иначе как — «бандит Лёнька Курдаков». Мне, выросшей среди братьев и умевшей постоять за себя при случае, все эти «ужасные происшествия» казались обыденными и не впечатляли никак. Однажды на улице Нина обратила моё внимание:

— Смотри, вон идёт бандит Лёнька Курдаков со своим братом Женькой.

По тротуару шли худощавый двадцатилетний парень в кожаной куртке, рядом с ним, в берете — мальчик.

Солнечным днём, вот так обыденно, шёл будущий поэт России. В тот момент моя тринадцатилетняя душа никак не встрепенулась, не узнала в этом парне свою будущую судьбу. И только через шесть лет мы встретимся вновь, при иных обстоятельствах, в его сложной жизненной ситуации. И я узнаю свою Судьбу, содрогнусь и приму как неизбежное. Я попаду в прекрасный, незнакомый мир творческого созидания, буду свидетельницей, а где-то и соучастницей

божественного рождения искусства слова, осязаемых предметов творчества художника. В нашей семье родятся две дочери с генетической склонностью к творчеству. Я буду счастлива в семейной жизни, не в обывательском смысле, а тем душевным настроем на такую жизнь, о существовании которого я и сама не знала. В те благословенные времена я не подозревала и о сопутствующих таланту проблемах.

Недавно прочитала у Виктории Токаревой высказывания, которые в точности совпадают с моими сегодняшними мыслями.

«Науку двигают шизофреники, искусство — алкоголики. Это называется «патология одарённости». Гениальность не норма. Норма — заурядность, когда человек стоит в общем ряду. Заурядные — один за другим, как в пионерлагере, смотрят в затылок предыдущего. Не выделяются. Однако науку двигают шизофреники, искусство — алкоголики. А заурядные просто живут, едят и размножаются. Гении тоже едят и размножаются, но для них главное — самовыражение.

Есть что выразить. И они знают, КАК выразить. А все остальные — потребители. Потребляют ЧТО и КАК, форму и содержание».*

Понимать эту формулу и жить в реальности семейной жизни, где

* Журнал «STORY». Виктория Токарева. Он и она. Август 2014

ОН — Творец, — вещи неоднозначные. Только любящая душа способна долговременно терпеть и надеяться на редко сбывающееся чудо: вдруг пагубное пристрастие к алкоголю исчезнет. Нет, просто так оно не уходит, эту напасть может остановить болезнь, изношенный организм — угроза самой жизни.

А в моей жизни, сколько было бессонных ночей ожидания и переживаний. И не однажды стояла я в позе «скорбной Ярославны» на балконе, всматриваясь в промозглую темень бесконечной ночи, в ожидании на дальней тропинке одинокой фигуры мужа.

И через 25 лет потеряю этот мир, останусь на пепелище семейного гнезда доживать оставшееся время со своей памятью о прожитой жизни.

* * *

По воскресным вечерам родители Юры Таранова приглашали соседских детей смотреть в фильмоскоп диафильмы. На стену вешали белую простыню-экран, на которую проектировалось изображение с цветной плёнки. Разувались мы ещё в сенях, т.к. чистота в доме Тарановых была исключительная. Ковровые дорожки на блестящих от лака полах, крахмальные салфетки на высоких лёгких жардиньерках, со стоящими на них горшками

с цветами, репродукции картин известных художников на стенах. И восхитительный лёгкий парфюмерный запах, присутствующий этой семье, аристократический запах достатка.

Кино смотрели сидя на полу. Дядя Витя медленно крутил фильмоскоп, читая надписи под кадрами.

Позже и в нашей семье появился фильмоскоп, с большим набором плёнок с детскими фильмами. Папа изготовил его сам, переделав из настольного фильмоскопа в настенный. В выходные допоздна, до скандалов, смотрели диафильмы — трудно было уложить нас в постели.

Юра Таранов рос единственным сыном и внуком, залюбленным и зацелованным родителями и многочисленными бабушками, не знавшим ни в чём отказа. Он был разносторонне развитым мальчиком, начитанным, хорошо рисовал. У него могло бы быть хорошее будущее, как и у его родителей, но что-то пошло не так. В школе почему-то учился средне, будучи подростком, неудачно спрыгнул с дерева, получил трещину в кости ноги. Закончив восьмилетку, поступил в медучилище и после первого посещения морга бросил учёбу. Больше почему-то никуда не поступал. Всю свою недолгую жизнь Юра проработал на заводе электриком в цехе отца. В юношеском возрасте у него появились проблемы со здоровьем. В моей

памяти он остался худеньким, небольшого роста, с тросточкой в руке, с болезненным выражением лица. Женился он позже нас, на Наде, знакомой девочке с соседней улицы. Первого сына назвали Виталием, к несказанной радости Лидии Ивановны и Виталия Степановича. Но Надя не остановилась на рождении одного сына, ей хотелось иметь дочку. И к большому возмущению свекрови, она родила ещё двух сыновей. Три сына-погодка! — возмущению свекрови не было предела. Она признала только одного, старшего внука Виталия, других знать не хотела. Да и строптивую сноху, не признающую её теорию — «в одной семье — один ребёнок», не привечала.

А здоровье Юры катастрофически ухудшалось. На месте трещины в ноге развился туберкулёз кости. Ногу пришлось отнять по колено. Юра перешёл на костыли. Но процесс пошёл дальше и ногу обрезали по бедру. Но и это не остановило заболевание. В сорок лет Юра покончил с собой, задохнувшись выхлопными газами включённой машины в гараже.

К тому времени умер Виталий Степанович. Всю эту семейную эпопею мне рассказала сама Лидия Ивановна в один из моих приездов в Бузулук. Мы встретились с ней на улице, возле её дома и она пригласила зайти. Она тогда жила в пятиэтажном

благоустроенном доме, в трёхкомнатной квартире на улице «маршала Егорова».

И вот я снова в гостях у Тарановых. Светлая, красиво обставленная квартира, и всё тот же несравненный, лёгкий парфюмерный запах, присущий этой семье, напомнил мне детство. Постаревшая шестидесятипятилетняя тётя Лида, не старая, статная, свежая осенней красотой своего возраста. Несмотря ни на что, всё такая же улыбчивая. Общение наше, двух взрослых женщин, по русской традиции — на кухне. Разговор получился больше похожий на исповедь:

«Я ведь вашу мать не любила, всегда осуждала за многодетность. По моим тогдашним понятиям, нужно родить одного ребёнка и обеспечить его всем, даже роскошью. Ведь мы живём единожды на этом свете. А тут ваша семья рождает чуть ли не каждый год по ребёнку, бьётся в голоде и нужде. Зачем? И всё это на моих глазах! Я ведь считала, что ваши родители не справятся, не смогут воспитать вас достойными людьми, дать всем образование. А вы, вопреки моим прогнозам, росли красивыми и здоровыми, хорошо учились и, как ни странно, удачно устраивали свои жизни.

Вы, Катюша (она назвала меня семейным именем, обогрев тёплым дыханием прошлого), были плохо одеты, не всегда сыты, но были умненькими и

воспитанными детьми. И я вдруг стала своему Юрочке приводить вас в пример, даже надоедала ему сравнениями с вами. А тут такое горе с Юрой. Надя осталась одна с тремя сыновьями. И только тогда, вдруг, я увидела на месте потерянного единственного сына трёх парней-богатырей, погодков, его кровинушек. И что-то изменилось во мне, и я поняла, что неправильно жила и понимала смысл жизни. И просила у Нади прощения, и теперь живу для моих дорогих внуков, радуюсь, что их трое, что они погодки и почти одного роста.

А семью Курдаковых я знала по школе. Мы, учителя, иногда устраивали субботники в их доме, в первые годы болезни мамы, Фаины Ефимовны. Делали уборки в доме, мыли полы, сушили одежду. Никогда не думала, что ты будешь членом их семьи».

Спустя время я узнала, что Лидия Ивановна вышла замуж за директора совхоза и уехала жить в райцентр. В её квартире поселилась сноха с тремя внуками. Лидия Ивановна постоянно помогала материально семье сына, помогала растить внуков, забирая их к себе на лето.

У нас не было бабушки и дедушки, и мы немного завидовали, глядя на Юру и Славку, у которых они были. В детстве мы так и не почувствовали всплеска ласки и всепрощающей беспричинной любви, сердечного наставничества родных по

крови, ближайших во времени предков.

Была Шнекаева Ульяна Васильевна, родная сестра папиной матери Гусевой Елизаветы Васильевны. Наша родная бабушка по отцу умерла рано, в пятидесятилетнем возрасте — от болезни сердца.

Ульяна Васильевна была женщина суровая, не улыбочивая, не подпускающая к себе. Она любила только племянника Федю, нашего отца, и, возможно, ради него и приходила к нам. Внешностью, как это ни кощунственно, она и до сих пор напоминает мне Казанскую Богородицу. Темноликая, с чёрными глазами, скуластая, с запавшими щеками, с узкими губами, с выражением постоянной скорби на лице. Она была суха телом, носила тёмно-зелёное кашемировое длинное платье старушечьего покроя и белый платок. Откровенно, не скрывая, не любила нашу маму, считая, что Федина жизнь загублена её прихотью, желанием иметь многодетную семью.

Приходила Ульяна Васильевна всегда после церковной службы, усталая, усаживалась на табуретку и просила принести воды. Чай никогда не пила. Очень редко её можно было уговорить пообедать у нас. В сумочке у неё всегда были для нас конфеты, что всегда оживляло нас, заставляло приблизиться и оказаться вовремя на момент раздачи. И только подавая конфету, приближая

своё лицо к ребёнку, она тепло улыбалась, подавая конфету в сжатых в горстку пяти пальцах:

— Накося конфеточку!

Раздав конфеты, мы теряли интерес друг к другу. Мама начинала суетиться, заискивающе что-то предлагала, а потом уходила, оставляя Ульяну Васильевну наедине с папой, разговаривать.

Как-то, заметив мамин в очередной раз припухший живот, Ульяна Васильевна сурово спросила:

— Чай, опять беременна?

— Да, тётенька, опять, — сконфуженно ответила мама.

— Эх, научилась рожать, и не больно?

— Ещё как больно, тётенька!

Ульяна Васильевна Шнекаева была деревенская швея-белопшвейка. Была она очень разборчива в клиентах, обслуживала определённый круг богатых людей. Шила мужскую и женскую одежду. Была независима, своенравна и самодостаточна. Видимо, бедной никогда не была.

Расспрашивая маму о семье и детях Ульяны Васильевны, я узнала следующее:

Замужем Ульяна Васильевна была за пилотом аэроплана. У них было пятеро детей. В гражданскую войну муж, улетев на задание, из полёта не вернулся. В голодные тридцатые годы Ульяна Васильевна, оставив своих детей родной сестре Елизавете, у которой было своих трое,

поехала в Ташкент за хлебом. Она везла вещи, чтобы обменять их на хлеб своим и сестринским детям. Приехав с хлебом, узнаёт, что её пятеро детей умерли, а сестринские все живы. Отчего умерли дети Ульяны Васильевны, теперь уже никто и не знает. Страшные были времена, голод доводил людей до умопомрачения, до людоедства. А сёстры с тех пор разошлись по жизни. Ульяна Васильевна не простила сестре смерти своих детей. Она больше не вышла замуж и не рожала детей.

Рассказывают, что Елизавета Васильевна Гусева (папина мать, наша родная бабушка) была набожной женщиной и, спустя время, совершила паломничество на святой остров Валаам, отмаливать грехи. Все эти рассказы существуют в легендах нашей семьи и документально не подтверждены. Но, думаю, не на пустом месте возникают и остаются в памяти поколений такие рассказы.

Ульяна Васильевна всячески выделяла и баловала нашего отца. Еженедельно, по средам, в заводской обеденный перерыв, на протяжении многих лет она принимала его у себя в доме. Специально для него что-то готовила вкусненькое, часто курники. Название этого мясного пирога всегда вызывало у нас желудочные спазмы и слюноотделение. Однажды на папе появился дорогой светло-коричневый костюм в

редкую чёрную полоску, шедший ему, который купила Ульяна Васильевна.

Очень редко, по каким-то делам, я бывала у Ульяны Васильевны дома. Меня всегда удивлял необычный запах её квартиры, сыроватый, с примесью запаха старых вещей. Этот запах был присущ и ей самой. В комнате стояла металлическая кровать с шишечками и декоративными кольцами на спинках, с высокой периной, горкой подушек под ажурной накидкой. Застлана кровать была белейшим пикейным покрывалом и кружевным подзором. В углу стоял прекрасный, тёмного лака, одёжный шкаф ручной работы, створки которого были украшены тонкой резьбой. Стояла ножная машина «зингер», над которой отбивали ежечасно время часы фирмы «Мозер». Днём Ульяна Васильевна отдыхала на сундуке, покрытом ворсовым цветным ковриком. Позже почти все эти вещи попадут в музейную экспозицию этнографического музея г. Усть-Каменогорска.

Ульяна Васильевна получала небольшую пенсию, возможно, за мужа. Мне трудно представить её работающей на колхозных угодьях. Она была деревенской аристократкой, шила на заказ и была мужней женой. Мне в моём девичьем возрасте тоже шила платья. Сшила она модную рубашку и моему молодому мужу, он ей понравился при первой встрече-знакомстве.

Своего пропавшего в полёте мужа Ульяна Васильевна упорно ждала до шестидесятых годов. В старинном сундуке со звуковым замочным устройством хранился полный комплект необходимой мужской одежды. Впоследствии наш отец донашивал рубашки из этого запаса на даче. Рубашки фасоном морально устарели, хотя поражали качеством ткани и неприкрытой любовью швеи к своему мужу. Запомнилась чёрная рубаха-косоворотка из блестящего сатина, вышитая по вороту и планке-застёжке тамбурным швом синего цвета.

После перенесённого инсульта Ульяна Васильевна жила несколько лет в нашем доме. Умерла она в возрасте 78-ми лет на руках нашей мамы. Похоронена, как благопристойная прихожанка, возле Всехсвятской церкви. Недавно мои братья заменили сгнивший деревянный крест на её могиле на металлический, ажурный, с завитками. На прикрепленной эмалевой фотографии Ульяна Васильевна — молодая, красивая, в накинутой на голову вологодской, чёрной кружевной шали.

Бузулук моего детства — деревянный, патриархальный, с родительским домом, с устоявшимися буднями, с государственными праздниками и не поощряемыми — церковными. С рекой Самарой, где купались до посинения, до зубовного перестука, где однажды я чуть не утонула. Со сказочным

озером Синещёковым, поэтическое название которого вызывает восхищение. А уж само озеро, как бы случайно затерявшееся в лесу, под Сухореченской горой, заросшее белоснежными роскошными лилиями и жёлтыми кувшинками, казалось заселённым русалками. И эта красота создана ими и принадлежит им. Тёмно-зелёное озеро, загадочное, оно притягивало, от него не хотелось уходить, но и искупаться в нём как-то не приходило в голову — боязно. Неподальёку от озера находилась наша кормилица-дача (её приобрели в начале 60-х годов).

Центральная улица города моего детства — Красноармейская (переименована в ул. Ленина), мощёная булыжником, позже закатанная асфальтом. Все крупные магазины и культурные учреждения находились здесь. Часто посещаемым был молочный магазин, находившийся в этом районе. Одноэтажный кирпичный особнячок, возможно, купеческой постройки, с небольшим окном. Продавцом там работала тётя Наташа Филиппова, мать Коли Филиппова, одноклассника Шурика. Тётя Наташа производила впечатление на редкость сытой, красивой и счастливой женщины. Румяная, в меру полная, белолицая — она была олицетворением несуществующего в то время материального благополучия. Она была царица в своём магазине-тереме.

В темноватое помещение тётя Наташа добавляла свет белым халатом, колпаком и нарукавниками. Она ловко работала однолитровым и пол-литровым черпаками с длинными загнутыми черенками, перемешивала молоко во фляге, наливала его в бидон. Могла и недолить. Но, заметив детский несытый взгляд, подмигнув, могла плеснуть добавки. На прилавке, обитом белой жестью, стояли весы с утиными носиками и гирьки, с помощью которых она взвешивала сметану, сыр, творог.

В 50—60-е годы на молочную продукцию, включая и сливочное масло, существовали сезонные цены, разнившиеся между собой процентов на 30. Так, молоко, насколько я помню, с 15 апреля стоило 2 рубля 40 копеек, а осенью, с сентября — 3 рубля 60 копеек (деньги до 60 года).

Угловое старинное здание аптеки на Красноармейской улице, с тяжёлой высокой дверью. С трудом открыв её, попадаешь в светлое помещение, наполненное стойким благородным запахом лекарств. Всё здесь значительно и необыкновенно: гладкий кафельный пол в мелкую коричнево-белую плитку, прилавки отделаны вертикальными, стеклянными, матовыми витражами (с рисунками на больничные темы) с подсветкой и отделены от посетителей металлическими, блестящими, хромированными стойками. Внутри помещения

вдоль стен стоят высокие деревянные, покрытые тёмным лаком шкафы, с мелкими выдвижными ящичками, с наклеенными этикетками, подписанными на латинском языке. В углу, возле входа, за перегородкой — кассовый аппарат, предмет моего особого любования и наблюдения. Сам кассовый аппарат — высокий, старинный, испещрённый золотистыми рекламными надписями, затейливо украшен. Сбоку маленькая рукоятка, при медленном вращении которой раздаётся бесподобный стрёкот, приводящий меня в восторг. Один поворот ручки — и в руках маленький чек на получение лекарства. В аптеке всегда тихо. Обслуживающие клиентов фармацевты, как принадлежность аптеки — красивы, в белоснежных накрахмаленных халатах и колпаках. Несмотря на грязь и непогоду на улице, в аптеке всегда исключительно чисто и тепло.

Через дорогу — промтоварный магазин, он тоже в старинном здании с лепниной на потолке и стенах. Туда я хожу как в музей — полюбоваться товарами и помечтать о несбыточном — купить себе что-либо. Хотя в конце августа мы с Шуриком, имея на руках выверенный список необходимых для учёбы предметов, часами выстаиваем очередь в магазин за учебниками, тетрадями, металлическими пёрышками для ручек, карандашами, ластиками, линейками.

Тогда мне казалось, что в Бузулуке, чему быть — уже случилось, и перемены уже не коснутся моего города детства. Только молодостью, с её безудержным желанием новизны, можно оправдать моё тогдашнее желание. Как жаль, что перемены, не лучшие, вскоре пришли, и город расстроился и переменялся, потерял свой неповторимый облик. Стал «как все». Я была свидетельницей страшного разрушения Петропавловского храма в 1961 году. Кроме красоты и величия, этот храм известен тем, что здесь молился Лев Николаевич Толстой, приезжавший в эти места для покупки лошадей. На месте храма вскоре был построен, как в насмешку, незатейливый кинотеатр «Берёзка». Не стало и Красноармейской улицы, с её деревянными домами, с резными крашеными наличниками, с деревянными двухстворчатыми воротами, с высокими крылечками, выходящими на тротуар. Взамен были построены однообразные типовые здания городской администрации, страшные, серые, бездушные сооружения из бетона и стекла.

Воспоминание о Бузулуке

*Может, эти далёкие звуки,
Вдруг сложившись когда-то
в размер,
Стали б сном об ином
Бузулуке,
Овеваемом музыкой сфер.*

Не о том, где мертвело
сознание
Без любви, без души и лица,
А о том, что рождало
преданье
Нашей молодости —
до конца...
В том преданье, далёком,
прекрасном,
Город был бы вне сумрака
лет,
И сады в нём цвели б
не напрасно, —
Словно сон, — словно белый
рассвет...

Словно белый рассвет
безобманный
Над пустынной тоской
бытия,
Над погостом Всехсвятского
храма,
Где покоится мама моя...

Над Самарой, ещё не
уснувшей,
Над сухими холмами вокруг,
С тенью Пушкина, здесь
промелькнувшей,
Лишь на миг по пути в
Оренбург.

...Ты прости меня, серый,
убогий,
Моей юности давний приют,
Что к тебе заблудились
дороги,
И преданья тебя не найдут.
Может, это и к лучшему,
в пошлом
Этом сонме мятущихся лет —

Пусть останется прошлое
в прошлом,
И сгорит, словно белый
рассвет.
Чтоб как прежде немел
от мороза,
Всякий новый неведомый
звук,
Как забытый гудок паровоза,
Замыкающий времени круг.
Евгений Курдаков

Моя детская сердечная привязанность к старшему брату в полной мере сохранилась до его службы в армии. Служил Саша в г. Жуковском, в Подмосковье (1964—1967 гг.). Незадолго до армии (после окончания строительного техникума) он успел поработать прорабом в райцентре Шарлык Оренбургской области и поэтому, естественно, его военная служба проходила в стройбате. В первые годы службы, в девятнадцатилетнем возрасте, Саша совершенно сознательно стал членом КПСС. Его партийность была сродни маминой вере, совершенно патриотична и всеобъемлюща. Ни тени сомнения, полное подчинение и служение идеям партии. Его юношеский максимализм, чистота помыслов, отсутствие каких-либо собственных выгод были направлены на служение интересам партии и государства. До сих пор удивляюсь, но каким-то образом, с разрешения маршала Малиновского (Саша был у него

на приёме), служа в армии, он поступил на вечернее обучение в МИСИ — Московский инженерно-строительный институт и проучился в нём до конца службы. Позже Саша перевёлся в строительный институт г. Куйбышева. Не знаю, по каким мотивам он ушёл из столь престижного учебного заведения, возможно, из-за материального положения родительской семьи.

За год его службы в армии моя потребность в общении с братом достигла предела, я затосковала. И тогда я придумала план, как мне навестить брата в Жуковском.

Свой план я осуществила в июле 1965 года. Возвращаясь с преддипломной практики из Шарлыка (направление в райцентр я взяла, чтобы полгода побыть с братом), никому не сообщив, я проехала мимо Бузулука в направлении Москвы. Если бы я заранее сообщила о своих планах, родители несомненно вернули бы меня домой и поездка бы сорвалась. Но всё удалось. «Язык до Киева доведёт!» — и не только до Киева, но и в Москве с ним не пропадёшь. В железнодорожной кассе Казанского вокзала я узнала, что в Жуковский надо ехать на электричке до станции Отдых, что я и сделала. Конечно, изумлению Саши не было предела, — я свалилась на его голову как снег в июле...

Пробыла я в Москве дня три. Ночевала на скамейке Казанского вокзала, что было, конечно,

запрещено, и милиция несколько раз за ночь поднимала меня и сообщала об этом. Под утро в зале ожидания делали уборку, и ворчащая женщина в синем халате со шваброй возила мокрой тряпкой под моей скамейкой. На комнату отдыха ни у меня, ни у Саши денег не было, да и особых проблем с ночёвкой на скамейке вокзала я не видела.

Саша не смотрелся бравым солдатом, я чувствовала, что в армейской форме ему неудобно, да и сидит она на нём мешковато: складочки на гимнастёрке не по середине спины, а сбились куда-то на бок, и сапоги тяжёлые, отчего изменилась походка. И весь-то он какой-то неуверенный, как будто чем-то смущённый. Один день мы провели вместе: гуляли по Москве, ели мороженое и, конечно, много говорили. Саша рассказал, что однажды у него случилась встреча и разговор с Юрием Гагариным, который делал утреннюю пробежку в парке гарнизона. В другие дни мы встречались в Жуковском в определённые часы отдыха. В свободное время я гуляла по Москве: была на Красной площади, в мавзолее В.И. Ленина, в ГУМе. Провожал меня в обратный путь Саша с перрона Казанского вокзала.

Через год с небольшим я вышла замуж, а в октябре 1968 года наша молодая семья выехала на постоянное жительство в Казахстан, в г. Усть-Каменогорск.

Саша вскоре женился на студентке медицинского института Наташе Спицыной и у них родился сын Дима. В мои приезды в Бузулук Саша всегда приезжал в родительский дом для встреч, но времени для нашего общения было мало. Позже делились мы впечатлениями жизни, душевным настроением, планами на будущее, довольно часто, но в письмах.

Сашино 50-летие в 1995 году пришлось на перестройку. Перестройка случилась не только в стране, но и в жизни каждого из нас. Я вдруг оказалась иностранкой с пустым кошельком, с потерянным мужем и опустошённой душой. Мой приезд на свой юбилей спонсировал сам именинник. Да и семью Саши не обошла трагедия: за год до этого события, на 25-м году жизни от онкологии умер сын Дима, закончивший к моменту страшного заболевания медицинский

институт и военно-медицинскую академию, получивший направление на работу в Калининград. К этому времени Дима был женат и в его семье рос сын Алёша. Пятидесятилетний Саша изменился не только внешне (погрузнел, поредели волосы, обнажив высокий отцовский лоб), но и внутренне. Он стал мне незнаком. Возможно, на это повлиял развал страны и КПСС, в идеи которых он свято верил. В эти годы Саша работал заместителем директора по капитальному строительству на крупном металлургическом заводе в Самаре. Мои приезды на родину теперь частенько оплачивал он. Несколько раз я неожиданно получала от него бесценные в те времена денежные переводы (в музее, где я работала, месяцами не платили зарплату, не получала стипендию в университете Юля). Но что-то случилось с моим братом и с нашими отношениями. Возможно, время, возраст и расстояние сделали своё дело. Во время моих приездов в Самару мой трудолюбивый брат находил считанные часы для разговоров со мной. Обычно он приходил поздно вечером, часов в одиннадцать, утомлённый, с воспалёнными глазами. Я сидела вместе с ним на кухне, когда он ужинал и видела его нечеловеческую многолетнюю усталость и молчала. В 6 утра он уезжал на свой завод, суббота

Молодожёны Евгений и Екатерина Курдаковы.
1967 год

тоже была рабочей. А по-другому он жить не умел, да и, наверное, не хотел. В то короткое время для общения, в нескольких заданных дежурных вопросах, он получал мои краткие ответы. Саша не вдавался в житейские подробности моих ответов, он как будто не желал их знать. Он не задавал вопросы о моей личной жизни, о детях, хотя мне хотелось поделиться своими переживаниями, планами и надеждами. Да и о себе Саша ничего не рассказывал. Наглухо застёгнутый, окружённый невидимой стеной, пресекающий всякие попытки к душевной близости. Его острый пронзительный взгляд замораживал меня, не позволял разрушить невидимую границу недоверия.

Он пространно рассуждал о направлениях в современной литературе, о новых именах и последних литературных новинках. Он играл и наслаждался своим интеллектом (Сашина семья много лет выписывала журнал «Наш современник», он был в курсе литературной жизни). Много говорил Саша о государственной политике и о будущем России.

В какой-то момент я внутренне отстраняюсь, перестаю слышать его ровный глуховатый голос и принимать его интеллектуальную игру с демонстрацией собственного превосходства. Я как будто вижу маленькую уютную кухню родительского дома, ласкового кудрявого брата Шурика, с которым я сижу на

квадратном сундучке возле печки и рассматриваю оранжевую спелую луну в кухонном окне. Предзимние ранние сумерки, мама растапливает печь, гремит дровами. Изредка она открывает печную дверцу, замороженно смотрит на горящие поленья. Мы ждём с работы папу, скоро будем ужинать.

Мама умерла на 89-м году жизни 28 июня 2006 года, пережив отца на долгие тридцать лет. Последние годы она жила в семье Любы.

Мама встретится с правнуками — Алёшей и Олей, поможет Любе вырастить троих детей — своих внуков. Эти дети впоследствии будут помогать в уходе за бабушкой, уже немощной и беспомощной. Похоронена мама на сухореченском кладбище, в общей ограде с мужем. Каменным надгробием на могиле служит раскрытая книга, уже прочитанная ими — Книга жизни. Спустя три года, в 2009 году, ушёл наш брат Володя. Он первым из детей Гусевых ушёл к родителям, не дожив немного до 60-ти лет. Остальные пока живы.

Уже теперь, оглядываясь назад, мне кажется, что жизнь отца могла состояться по другому сценарию, будь с ним другая женщина. Я вижу отца, живущего, по меньшей мере, в областном центре, скорее всего, в Самаре. Он мог бы работать директором школы. Быть отцом хорошо обеспеченной семьи с двумя — от силы, тремя детьми.

Братья и сёстры Гусевы (Юрий, Владимир, Екатерина, Ольга).

Но он принял уготованную ему судьбой жизнь, с её взлётами и падениями, с невозможностью изменить что-либо, не испортив при этом жизнь своим родным. Прожил честно и достойно свою единственную и неповторимую жизнь, оставив о себе прекрасную память, любовь и уважение детей и внуков.

Я часто думаю: был ли счастлив наш отец? Ведь с молодости он не был готов к многодетной семье, я это знаю точно. Это мамина жизнь была спланирована там — на небесах, и большая семья ей была уготована в любом случае, с любым мужем, по её вере и жизненным убеждениям.

И всё же, думаю, и мне хочется надеяться, что родители были счастливы земной ЛЮБОВЬЮ и итогами своей жизни — детьми. Четверо сыновей и четыре дочери. Счастливы, что сыновья успешны в жизни, получили высшее образование. Из дочерей Люба получила высшее образование, а остальные и со средним образованием стали специалистами в выбранных профессиях. Все дети получили квартиры и обустроили свои жизни. Родились внуки, много внуков, и род Гусевых — с духовными, моральными и семейными ценностями — продолжается.

Детей и внуков Гусевых раскидало по миру. Наша Валя в 1983 году вышла замуж за Юрия Томова, и он увёз её на свою родину — в Болгарию, где у них родились Иван и Лиза. Лиза уехала на учёбу в Англию и вышла там замуж за Ли Даниэла Конуэла. В их семье родилась дочь Элли Роуз Конуэл. На сегодняшний день 6-летняя Эличка свободно говорит и пишет на русском и английских языках и понимает болгарский. По её интересу ко всему русскому, мне кажется, что наша кровь не затерялась, что эта девочка чуть-чуть и наша. В 2004 году Лёля уехала в Америку, выйдя замуж за Терри Бетелл, и нас теперь разделяют многие тысячи километров суши и Атлантического океана. Я с Юлей живём в Казахстане, семья Риты — в России.

Как из рассохшегося горохового стручка высыпались мы в разные стороны и раскатились, тоскуя по Родине, надеяля её нежностью и памятью детства, привязанностью к родной земле.

В Усть-Каменогорске часто ночами, в бессонницу, когда нездоровится, томится и замирает сердце, мыслями я возвращаюсь домой, в Россию, уже забывшую меня. И ночной станционный гудок товарняка резким хриплым эхом прозвучит, словно спрашивает: где-е-е ты? — как ты? — с кем ты-ы-ы? ...И в чёрном безмолвии слышу гулкой удаляющийся перестук колёс по рельсам. И эта бесконечная ночь до утра...

И боюсь не успеть, уже мало осталось времени, и силы

иссякают, а надо успеть, вернуться, чтобы навечно лечь в родную землю.

Я часто думаю о своей Родине, и ностальгия, как наказание, преследует меня, покинувшую родные места.

Какая она, моя Родина? — Единственная!

Становясь старше, по возрасту всё ближе к родителям, лучше понимаю их, их жизненный подвиг, не замеченный и никак не отмеченный. Наверное, поэтому и пишу, чтобы рассказать с радостью и гордостью о жизни нашей семьи, о своей Родине, о времени, в котором жила, в чём-то неповторимом в своём роде, как и всё в этой жизни. Пишу, потому что верю: неназванное — не существует!

Евгений Васильевич и Екатерина Фёдоровна Курдаковы с дочерьми Маргаритой и Юлией